

История

УДК 94(47).084.3

DOI: 10.17277/voprosy.2015.02.pp.138-147

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И АРЕНДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 1917 г. (на материалах Центрально-Черноземного региона)

В. Б. Безгин, В. П. Николашин

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов; ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет», г. Мичуринск

Рецензент д-р ист. наук, профессор А. А. Слезин

Ключевые слова: арендные отношения; деревня; захват земли; крестьянство; общинная революция; погром имений.

Аннотация: Представлена проблема развития крестьянской революции в черноземной деревне в 1917 г. Исследована роль арендных отношений как инструмента расширения запашки земли крестьянами и сигнала к началу «общинной революции».

Проблематика динамики революции 1917 г. и ее мощная составляющая структура – крестьянское движение, сохраняет свою значимость и актуальность. Отход от стереотипов советской историографии и ввод в научный оборот ранее неизученных архивных источников позволили ученым-аграрникам выработать новые подходы в изучении данного вопроса. В 1990-е гг. взгляды на историю крестьянства существенно изменились. В частности, целым рядом историков была признана существенная роль в революционном процессе общины и общинного менталитета крестьянства, подлинной идеологией деревни был назван традиционализм, а не революционность [1 – 3]. Такие выводы позволили выявить новые грани и аспекты в аграрном движении 1917 г.

Весь ход аграрной модернизации второй половины XIX – начала XX в. опирался на два мощных социально-экономических потока – общинно-крестьянский и дворянско-государственный с некоторым вкраплением более мощных крестьянских хозяйств. Деревенский мир стремился обрес-

Безгин Владимир Борисович – доктор исторических наук, профессор кафедры «История и философия», e-mail: vladuka62@mail.ru, ТамбГТУ, г. Тамбов; Николашин Вадим Павлович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, МичГАУ, г. Мичуринск.

ти внутреннюю устойчивость и сознательно стремился к сплошному «черному переделу». Политическое мышление здесь подменял прагматичный вектор к экономическому благосостоянию.

Второй вектор был нацелен на ослабление эгалитарных настроений деревни, экономическое укрепление цензовых слоев, создание крепкого слоя крестьянства. Значительная часть дворянства, зажиточная часть деревни были носителями более консервативного вектора преобразований. Именно поэтому модернизация русской деревни в пореформенный период выражалась в постепенном распаде традиционных устоев общины и сопровождалась ростом индивидуализма в крестьянской среде.

Несмотря на реформационные импульсы власти, община для основной массы жителей села продолжала сохранять значение гаранта выживания. Стоит согласиться с выводом известных историков-аграрников В. П. Данилова и Л. В. Даниловой о том, что «мощный подъем крестьянского движения, послуживший основой всей российской революции, явился в конечном итоге проявлением и торжеством именно общинно-уравнительной ментальности» [4, с. 33–34].

Развитие событий в российской деревне после Февральской революции 1917 г. доказало живучесть общинных традиций. Для обозначения того, что происходило на селе в этот период, некоторые историки использовали понятие «общинная революция», подразумевая под ним сопротивление общинного традиционализма власти, сделавшей ставку на индивидуализацию землевладения и форсированное развитие капиталистических отношений [2, с. 16–17].

Ни Столыпинская аграрная реформа, ни Первая мировая война не отвлекли крестьянство от решения главного вопроса – вопроса о земле. Составляющей менталитета крестьянства являлась готовность к восстанию, поскольку государство явно не оправдывало их социальных ожиданий [5, с. 30].

Решающим моментом, в определенном смысле моментом истины, стал для российских крестьян 1917 г. Падение царской власти развязало руки крестьянам в захвате помещичьих земель. Деревня ожидала от Временного правительства справедливого и скорого решения земельного вопроса. Но цейтнот, в котором оказалась власть в деле подготовки аграрной реформы, подтолкнул крестьян к самовольному захвату владельческих и иных земель. Крестьянство губерний Центрального Черноземья было одним из лидеров этого движения [6]. Решающим условием общинного «мятежа» явился захват общинниками пахотных земель и изгнание прежних владельцев. Для деревни наступал «слушный час».

Тамбовская губерния выступила «застрельщиком» крестьянского движения в центральной России. Уже в течение лета – осени 1917 г. крестьянские выступления приобретали здесь острые формы. В августе начались погромы имений, а местные помещики все чаще стали обращаться в губернский центр с просьбой о присылке войск [7, с. 106, 107, 110]. Здесь отмечались случаи самовольной запашки барской земли или ее аренды, захвата скота и хищение инвентаря, но до погромов дело пока не доходило [7, с. 11]. Не встречая привычного сопротивления со стороны власти, крестьянские выступления постепенно перерастали в войну общи-

ны с городом за право не платить налоги и за избавление от вмешательства в свои дела [8, с. 156].

Волна «черного передела» буквально смела ростки индивидуального земледелия, возникшие в ходе аграрной реформы начала XX в. Общинная революция покончила со столыпинской реформой, почти полностью уничтожив ее результаты. А Временное правительство 28 июня 1917 г. по инициативе министра земледелия В. М. Чернова приняло решение, запрещавшее столыпинскую разверстку земли и фактически частную собственность на землю. Сельские общества начали распределять между собой земли хуторян и отрубников. В заявлении крестьян-землевладельцев Павловской волости на имя Козловского уездного комиссара Тамбовской губернии от 21 июля 1917 г. сообщалось, что общинники «не дают убирать хлеб, прогоняют с полей рабочих, выгоняют с хуторов владельцев» [7, с. 107].

Летом – осенью 1917 г. все сделки с землей на местах были прекращены. Документы свидетельствуют, что все прошения крестьян об утверждение сделок по купле-продаже земельных наделов уездными земскими управами не утверждались [9, ф. 930, оп. 40, д. 40, л. 50, 54, 63, 69, 114]. На местах неприятие частной собственности на землю было особенно явным. В протоколе Градо-Стрелецкого волостного земельного комитета Козловского уезда Тамбовской губернии отмечается, «что продажу земли считать недопустимым, так как создает рознь и междоусобие против трудового земледельческого крестьянства, а также земля ни коим образом не должна считаться каким-либо товаром и подлежать продаже» [9, ф. 930, оп. 40, д. 40, л. 114]. В Кирсановском уезде Тамбовской губернии местные крестьяне «захватили так много земли, что пахали поспешно и небрежно. У землевладельцев посевная площадь уменьшилась в среднем на 80 %» [9, ф. 930, оп. 40, д. 40, л. 144 об].

Апогей погромного движения в Тамбовской губернии пришелся на осень 1917 г. В сентябре было зарегистрировано 89 случаев разгрома имений, в октябре их было 36, в ноябре – 75 [7, с. 12]. Значительную роль в борьбе со стихией крестьянских погромов сыграло известное «Распоряжение № 3». Документ предписывал проводить учет и брать под контроль частновладельческие экономии. В большинстве случаев (400 или 79 %) охрану брало на себя сельское общество, в 10 случаях она возлагалась на сельскую администрацию, в 24 – на земельный комитет [7, с. 14]. Помещичьи имения не переставали быть под контролем крестьян, так как за ширмой земельных комитетов, зачастую, скрывались общинные структуры. Например, в Кирсановском уезде Тамбовской губернии «земельный комитет передал все земли, посеянные исполу крестьянам» [9, ф. 930, оп. 1, д. 71, л. 145]. Юридически он сдавал эти земли в аренду, фактически же был создан легитимный прецедент на расширение запашки общины.

В развитие крестьянских чаяний Тамбовская уездная управа 5 декабря 1917 г. приняла постановление, действие которого было распространено на территорию всей губернии. Этим документом разрешалось волостным земельным комитетам производить сокращение хозяйств помещиков путем продажи части скота, инвентаря и построек инвалидам, солдаткам и беднейшим крестьянам. Опираясь на эти постановления, крестьяне практически повсеместно произвели сокращение хозяйств и перешли к их пол-

ной ликвидации [10, ф. Р-946, оп. 1, д. 254, л. 4-5]. На практике находили воплощение традиционные установки крестьянского менталитета.

В других губерниях Центрального Черноземья община действовала с тем же прагматизмом и решительностью, что и тамбовские крестьяне.

Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о том, что основная волна окончательного изъятия собственности у помещиков Орловской губернии произошла в конце 1917 г.: в ноябре 54,5 % и декабре 45,6 %. В Курской губернии в декабре произошло 22 % конфискаций имений, остальные производили на протяжении зимы-весны 1918 г. Местные общественно-политические, природно-климатические и социально-экономические условия повлияли на время «общинной революции», но не изменили самой его сути.

Недоверие деревни к государственным институтам и помещикам, привело к сворачиванию рыночной экономики. Постепенно происходило перерастание ненасильственных форм борьбы в более решительные и острые, и началось это с установления заниженных арендных цен. В протоколе заседания Тамбовского губернского земельного комитета 7 – 9 августа отмечалось: «Если проследить аграрное движение по формам аренды, то можно указать на следующие фазы: первое время этот вопрос не возникал, далее были захваты в виде “арендных сделок” под давлением и теперь создание условий аренды, близких к безвозмездному переходу земли к трудящимся» [10, ф. Р-955, оп. 1, д. 1, л. 267].

Большинство крестьянских выступлений заканчивались безвозмездным отчуждением пахотных и луговых земель. Деревня выбирала одну из наиболее действенных форм борьбы за поземельные ресурсы – арендное движение. Земли, находившиеся в аренде и обрабатывавшиеся крестьянством, становились тем базисом, на котором развивалось дальнейшее экономическое и политическое усиление общины.

Например, 27 мая 1917 г. в телеграмме помещика Н. Харина воронежскому губернскому комиссару Временного правительства сообщалось о захвате его земли крестьянами слободы Морозовки Острогожского уезда: «крестьяне забирают самовольно землю, мне принадлежащую, и приписывают арендаторам, а также желающим брать сенокосы с пары обращаться к ним, считая себя уже владельцами имения» [11, с. 100].

В решении съезда землевладельцев от 15 августа 1917 г. Кирсановского уезда Тамбовской губернии отмечалось, что «уездный комитет

Данные о времени конфискации помещичьих имений в Курской и Орловской губерниях [12]

Губерния	1917 г.			1918 г.					
	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль	март	апрель	май	месяц не установлен
Курская	–	12	120	51	58	31	2	2	271
Орловская	–	104	87	–	–	–	–	–	–

постановил понизить арендную плату на 25 %, а волостные понизили эти цены на 60 %, местами крестьяне захватили землю даром» [9, ф. 930, оп. 1, д. 71, л. 144]. В Воронежской губернии арендные цены также устанавливались местными органами власти. Так, 29 декабря 1917 г. на заседании Березовского волостного земельного комитета Богучарского уезда Воронежской губернии обсуждался вопрос об установлении цен на землю Е. Н. Ширинкина, арендуемую им у И. В. Лисаневича. Было постановлено сдать «пахотную землю без исключения по шесть руб. за десятину казенной меры» [13, д. 99, л. 44]. В целом арендные цены под посев 1918 г. в Воронежской губернии колебались в рамках 4 – 10 рублей.

В результате арендного движения были фактически пересмотрены отношения собственности на землю, действовавшие со времени отмены крепостного права. Исполное пользование землей весной 1917 г. прекратило свое существование окончательно. Тогда же на заседании Тамбовского губернского земельного комитета указывалось, что «цены на землю устанавливались исполнительным комитетом. Было решено сделать скидку в 25 % с прошлогодних цен на землю, такую же скидку на луга с цены 1914 г. Размеры арендной платы теперь разнообразны в зависимости от густоты населения и, главным образом, количества владельческой земли в окружающей местности. И поэтому колеблется от 9 до 25 руб. за десятину» [10, ф. Р-955, оп. 1, д. 3, л. 3].

Регулирование арендных отношений шло по линии запрещения отработочной, исполной и субаренды, расширения земельных площадей, сдаваемых в аренду (принудительная аренда), пересмотра условий аренды в пользу крестьян. Деятельность земельных комитетов развивалась в тех же направлениях, что и крестьянское движение. Решения о передаче арендных денег комитетам или казначейству практически означали конфискацию частновладельческих земель. Как отмечает Г. А. Герасименко, «крестьяне, во-первых, были убеждены, что из всех категорий сельского населения только они могут представлять государственные интересы. Только они, крестьяне, способны рационально использовать землю и дать государству необходимое количество хлеба и фуража» [14, с. 94].

За ширмой арендных отношений скрывались стремления крестьян вытеснить «благородное сословие» из деревни. 12 августа 1917 г. в селе Пальцево Курского уезда Курской губернии «крестьяне, арестовав управляющего имением помещика Березицкого, скосили на помещичьих лугах клевер, люцерну между собой и другие кормовые травы, захватив скошенное ранее помещичье сено, поделили его между собой» [15, с. 26]. Самочинные действия подтверждали непримиримый настрой крестьянства по отношению к землевладельцам.

Арендное движение в черноземной деревне, получив мощный импульс в ходе революции, в ряде уездов Центрально-Черноземных губерний продолжалось весь 1917 г. Оно охватило в том числе и церковные земли. 6 октября в Смаглеевской волости Богучарского уезда Воронежской губернии, как отмечалось 16 декабря 1917 г. в кратком журнале заседания Богучарского уездного земельного комитета, крестьяне слободы Смаглеевки отдали в аренду 40 десятин земли, принадлежавшей церкви, малоземельным гражданам [13, д. 99, л. 9]. Жалоба священника была оставлена без удовлетворения. Аналогичное решение на том же заседании

Богучарского уездного земельного комитета было вынесено на жалобу граждан села Никольское Николая Халяпина и Иллариона Шишкина на постановление Никольского волостного земельного комитета от 8 октября 1917 г. «по делу об устранении их от пользования двумя земельными наделами, купленными ими...» [13, д. 99, л. 9]. 30 октября 1917 г. в Богучарском уездном земельном комитете рассматривалась жалоба священнослужителя слободы Подгорной Павла Дмитриевича Михайленко на постановление Подгоренского волостного земельного комитета от 20 августа о «взятии волостным комитетом на учет 79 десятин излишней церковной земли для раздела нуждающимся домохозяевам в аренду на 1918 год» [13, д. 99, л. 15 об]. Эта жалоба также осталась без удовлетворения.

Единые позиции волостных и уездных земельных отделов в отношении арендного движения обуславливались не столько нормативными регуляторами, сколько фактическим бессилием власти перед лицом общины, зараженной жаждой «черного передела». Призывы центральных властей не могли остановить стремление общины как можно быстрее захватить поземельные ресурсы. Так, в телеграмме министра земледелия В. М. Чернова в Борисоглебский уездный земельный комитет, отправленной в ответ на телеграмму от 26 июля 1917 г. отмечалось, что «Андреевский земельный комитет постановил отобрать в имениях все сенокосы и отдать крестьянам... Отбирается вспаханная паровая земля» [9, ф. 1797, оп. 1, д. 22, л. 3]. Волну самовольного передела земли остановить аппарату Временного правительства было не под силу.

Каждая волость или община решала вопросы собственности по своему разумению. При этом сохранялась устойчивая тенденция, направленная на передел помещичьей земли в пользу крестьянства. Если волостное правление было озабочено развитием землепользования по закону, то крестьяне, «арендуя землю, в большинстве случаев платили деньги не лично владельцу, а земельному комитету» [10, ф. Р-955, оп. 1, д. 3, л. 3], надеясь в скором времени стать полным ее хозяином. Крестьян не останавливали ни законы, ни договоры. Жители деревни Михайловка Моршанского уезда Тамбовской губернии заключили соглашение о пользовании лугами с помещицами Акулиной и Альбовой, как отмечалось в донесении, поступившем в июне в Моршанский уездно-городской продовольственный комитет, но «договора не выполнили: луга покосили, сено свезли, а деньги не уплатили» [10, ф. Р-959, оп. 1, д. 109, л. 23].

При всей неразберихе, творившейся вокруг поземельных отношений, когда крестьяне старались полуполюгальным способом захватить землю, а настоящие владельцы – любыми способами ее сохранить, спекуляции с землей были редким явлением. В протоколе заседания Тамбовского губернского земельного комитета 7 – 9 августа отмечалось, что «спекуляции с арендной землей наблюдались в единичных случаях и относятся к первым дням революции, когда земля помещиков спешно передавалась в аренду» [10, ф. Р-955, оп. 1, д. 13, л. 267]. Следовательно, прежде всего, решался вопрос собственности, причем не с точки зрения рыночно-товарной аграрной политики. Дробление на мелкие участки приводило к переходу на натуральное хозяйство, характерное для раннего феодализма.

Создавшееся положение можно передать словами, описывающими ситуацию, которая сложилась в Елатомском уезде Тамбовской губернии:

«Общее настроение крестьян Елатомского уезда – теперь же взять всю пахотную землю и луга в свои руки» [10, ф. Р-955, оп. 1, д. 13, л. 267].

Подобные настроения перетекали в политические лозунги и требования принять новый аграрный закон. Крестьяне хотели немедленно, не дожидаясь Учредительного собрания, пользоваться всей помещичьей землей. При этом форма, в какой будет осуществляться это пользование, играла второстепенную роль. Избирая крестьянских делегатов на сельских сходах и волостных собраниях, общины давали им наказы о желательном для крестьян решении вопроса. Зачастую принимавшиеся на таких съездах решения шли вразрез с указаниями центральных органов власти Временного правительства и ЦИК Советов. Крестьянские съезды черноземных губерний в своих решениях, принятых под давлением делегатов-крестьян, были даже более радикальны, чем выбиравшиеся на них исполнительные комитеты Советов крестьянских депутатов.

Крестьянство, прежде чем устремиться на решающий «штурм» необщинной поземельной собственности, стало использовать более гибкие, ненасильственные механизмы закрепления за общиной собственности на землю. Жители села, используя свою природную сметку, впитывали общественно-политические новации, а затем выдвигали собственные инициативы, которые соответствовали их менталитету. Так шаги, предпринятые Временным правительством в деле организации земельных комитетов, «тактически обеспечивали ему поддержку со стороны крестьян», но традиционные «рассуждения» относительно «Божьей земли» в дополнение к правительственным инициативам породили совершенно неожиданные последствия. Начинает «раскручиваться крестьянская инициатива решения земельного вопроса способами “общинного” парламентаризма» – крестьянскими съездами [16, с. 27]. Однако политические полумеры не устраивали деревню. Земля «без воли» крестьянству была «ни к чему».

Реализуя свою давнюю мечту о «земле и воле», бывшие помещичьи крестьяне были убеждены, что право собственности на землю, отнимаемое у помещиков может достаться только тем крестьянам, которые некогда были крепостными у этих помещиков [9, ф. 930, оп. 1, д. 71, л. 145]. По мере того как исчезали «барские» запашки, община все чаще обращала внимание на земли своих соседей – хуторян, отрубняков, а также лиц, сдававших землю в аренду. Границы борьбы за эти наделы только очерчивались в 1917 г. В полном масштабе поземельные внутри- и межобщинные конфликты разгорелись уже весной-летом 1918 г.

В борьбе с землевладельцами жители села использовали весь арсенал «оружия слабых»: снятие урожая, захват продовольствия и фуража, потравка хлебов и лугов. И лишь затем община производила окончательный организованный захват помещичьей земли. Так, летом 1918 г. Курдюковский комитет Кирсановского уезда изъясил «у помещиков в волости семена овса и продал их крестьянам по ценам значительно ниже твердых цен» [9, ф. 930, оп. 1, д. 71, л. 143 об]. Кроме того, «комитеты присвоили себе право всех повинностей, платежей и недоимок, присвоили себе право производства торгов, при условии не допускающих к их участию жителей других волостей» [9, ф. 930, оп. 1, д. 71, л. 144].

В ходе модернизации конца XIX – начала XX вв. российская деревня в лице ее традиционного института – сельской общины была подвергнута

мощному прессингу со стороны города как источника властных установлений. Усилия правительства в ходе аграрных преобразований начала XX в. вызвали к жизни механизм самосохранения сельской общины. Вполне закономерно, что политическое фиаско самодержавия, и как следствие слабость власти в центре и на местах, стали благодатной почвой для самовольного разрешения извечного для крестьян вопроса – аграрного. Его реализация опиралась на радикальность установок крестьянского менталитета в отношении прав на поземельные ресурсы в рамках привычного сельского мира и посредством традиционного механизма – общины. Арендное движение как инструмент эгалитарных устремлений общины завершилось погромами помещичьих усадеб, волной «черного передела». Социализация земли ознаменовала юридическое закрепление за общиной значительной части ранее арендовавшейся земли и части сельскохозяйственных угодий, не входивших в экономическую орбиту поземельной общины. Проведенная явочным порядком «социализация» на некоторое время сделала общины единственными властителями на земле бывшей Российской империи.

События 1917 г. стали победой общинной революции, торжеством крестьянского идеала обладания землей. Но вся призрачность этой победы стала вполне очевидной на фоне реванша теперь уже новой власти – большевистской и продовольственной экспансии советского города. Вскоре продотряды, отряды по борьбе с дезертирством начали в черноземной деревне «охоту» за материальными и людскими ресурсами. Этот поход фактически обесценил ресурсы, которые были добыты деревней в ходе «черного передела» земли.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00117 «Крестьянство в условиях модернизации и разрушения традиционных ценностей: социальные девиации конца XIX – начала XX веков (региональный аспект)».

Список литературы

1. Булдаков, В. П. 1917 год: взрыв на стыке цивилизаций / В. П. Булдаков // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. Историография Отечественной истории / под ред. В. В. Астафьева, В. М. Бухараева, Г. П. Мягкова. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 1994. – С. 3 – 13.
2. Вронский, О. Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905 – 1917) / О. Г. Вронский. – М. : Изд-во Моск. пед. гос. ун-та, 2000. – 418 с.
3. Люкшин, Д. И. 1917 год в деревне: общинная революция? / Д. И. Люкшин // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль / под ред. П. В. Волобуева. – М., 1996. – С. 115 – 141.
4. Данилов, В. П. Крестьянская ментальность и община / В. П. Данилов, Л. В. Данилова // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.) : материалы Междунар. конф., г. Москва, 14–15 июня 1994 г. / под ред. В. П. Данилова [и др.]. – М., 1996. – С. 22 – 39.
5. Есиков, С. А. Специфика антигосударственного протеста / С. А. Есиков, В. В. Канищев // Крестьянство и власть : тез. докл. и сообщений науч. конф., г. Тамбов, 7–8 апр. 1995 г. / отв. секр. С. А. Есиков. – Тамбов, 1995. – С. 28 – 30.

6. Сельцер, Д. Г. Крестьянское движение в губерниях Черноземного Центра России (март 1917 – март 1918 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Сельцер Дмитрий Григорьевич. – Тамбов, 1990. – 293 с.

7. Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918 гг.). Документы и материалы / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. – М. : РОССПЭН, 2003. – 480 с.

8. Бухараев, В. М. Российская Смута начала XX в. как общинная революция / В. М. Бухараев, Д. И. Люкшин // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. Историография Отечественной истории / под ред. В. В. Астафьева, В. М. Бухараева, Г. П. Мягкова. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 1994. – С. 154 – 160.

9. Государственный архив Российской Федерации.

10. Государственный архив Тамбовской области.

11. Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии 1917–1918 гг. Сборник документов и материалов / под ред. Е. Г. Шуляковского. – Воронеж : Воронеж. кн. изд-во, 1957. – 476 с.

12. История советского крестьянства. В 5 т. Т. 1. Крестьянство в первое десятилетие советской власти. 1917 – 1927 гг. – М. : Наука, 1986. – 456 с.

13. Государственный архив Воронежской области. Фонд Р-19. Описание 1.

14. Герасименко, Г. А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 годов. На материалах Нижнего Поволжья / Г. А. Герасименко. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1974. – 341 с.

15. Солнышко, Ю. Октябрь в Курской губернии / Ю. Солнышко. – Курск : Курская правда, 1947. – 522 с.

16. Кабытов, П. С. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917 – 1918 гг.) / П. С. Кабытов, Н. А. Курсков. – Самара : Изд-во Самар. гос. ун-та, 2004. – 352 с.

References

1. Buldakov V.P., in Astaf'ev V.V., Bukharaev V.M., Myagkov G.P. (Eds.) *Istoricheskaya nauka v menyayushchemsya mire. Vypusk 2. Istoriografiya Otechestvennoi istorii* (Historical science in a changing world. Issue 2. Historiography of World History), Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta, 1994, pp. 3-13.

2. Vronskii O.G. *Gosudarstvennaya vlast' Rossii i krest'yanskaya obshchina v gody «velikikh potryaseni» (1905 – 1917)* (State Power and Russian peasant community in the years of “great turmoil” (1905 - 1917)), Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo pedagogicheskogo gosudarstvennogo universiteta, 2000, 418 p.

3. Lyukshin D.I. *Revolutsiya i chelovek. Byt, nravy, povedenie, moral'* (Revolution and the people. Life, habits, behavior, morality), Moscow, 1996, pp. 115-141.

4. Danilov V.P., Danilova L.V. *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX – XX vv.)* (Mentality and agricultural development in Russia (XIX - XX centuries)), Proceedings of the International Conference, Moscow, 14-15 June 1994, Moscow, 1996, pp. 22-39.

5. Esikov S.A., Kanishchev V.V. *Krest'yanstvo i vlast'* (The peasantry and power), Abstracts and communications conference, Tambov, 7-8 April 1995, Tambov, 1995, pp. 28-30.

6. Sel'tser D.G. *PhD dissertation (History)*, Tambov, 1990, 293 p.

7. Danilov V., Shanin T. (Eds.) *Krest'yanskoe dvizhenie v Tambovskoi gubernii (1917–1918 gg.). Dokumenty i materialy* (The peasant movement in Tambov province (1917-1918 gg.). Documents and Materials), Moscow: ROSSPEN, 2003, 480 p.

8. Bukharaev V.M., Lyukshin D.I. in Astaf'ev V.V., Bukharaev V.M., Myagkov G.P. (Eds.) *Istoricheskaya nauka v menyayushchemsya mire. Vypusk 2. Istoriografiya Otechestvennoi istorii* (Historical science in a changing world. Issue 2. Historiography

of World History), Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta, 1994, pp. 154-160.

9. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* (State Archive of the Russian Federation).

10. *Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti* (State Archives of Tambov region).

11. Shulyakovskii E.G. *Bor'ba za Sovetskuyu vlast' v Voronezhskoi gubernii 1917-1918 gg. Sbornik dokumentov i materialov* (The struggle for Soviet power in Voronezh province in 1917-1918. Collection of documents and materials), Voronezh: Voronezhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957, 476 p.

12. *Istoriya sovetskogo krest'yanstva. V 5 tomakh. Tom 1. Krest'yanstvo v pervoe desyatiletie sovetskoi vlasti. 1917 - 1927 gg.* (The history of the Soviet peasantry. In 5 vol. Vol. 1. The peasantry in the first decade of Soviet power. 1917 - 1927 years), Moscow: Nauka, 1986, 456 p.

13. *Gosudarstvennyi arkhiv Voronezhskoi oblasti* (State Archive of the Voronezh region). Fond R-19. Opis' 1.

14. Gerasimenko G.A. *Nizovye krest'yanskije organizatsii v 1917 – pervoi polovine 1918 godov. Na materialakh Nizhnego Povolzh'ya* (Grassroots peasant organizations in 1917 - the first half of 1918. On materials of the Lower Volga region), Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1974, 341 p.

15. Solnyshko Yu. *Oktyabr' v Kurskoi gubernii* (October in Kursk Province), Kursk: Kurskaya pravda, 1947, 522 p.

16. Kabytov P.S., Kurskov N.A. *Vtoraya russkaya revolyutsiya: bor'ba za demokratiyu na Srednei Volge v issledovaniyakh, dokumentakh i materialakh (1917 – 1918 gg.)* (The Second Russian Revolution: the struggle for democracy in the Middle Volga in research, documents and materials (1917 - 1918 years)), Samara: Izdatel'stvo Samarskogo gosudarstvennogo universiteta, 2004, 352 p.

The Peasant Movement and Lease Relations in 1917 (Materials of the Central Black Earth region)

V. B. Bezgin, V. P. Nikolashin

*Tambov State Technical University, Tambov;
Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk*

Keywords: communal revolution; land grabbing; lease relations; peasantry; property riots; village.

Abstract: In this paper we study the problem of the peasant revolution in the black earth villages in 1917. The role of lease relations as a tool for expansion of plowing land by peasants and a signal for the beginning of “communal revolution” has been discussed.

© В. Б. Безгин, В. П. Николашин, 2015